

Август даже обрел достаточно спокойствия, чтобы пригласить собеседника сесть в кресло напротив. Готический стул с остроконечной, свечеобразной спинкой дышал стариной. Один из тех мелких фактов, что узнаешь лишь после попадания в прошлое: в Средние века даже в домах знати стульев было немного, и лишь хозяин и его почетные гости имели право восседать на высоких креслах — символах власти и достоинства.

Когда юноша устроился поудобнее, недоразумение было разрешено.

— Тот господин с особыми интересами, о котором вы наслышаны, в итоге не смог прибыть в качестве королевского посланника. По некоторым причинам я вызвался заменить его.

Август сдержанно кивнул. Несколько золотистых завитков непослушно упали на бледные щеки, отчего он стал еще больше похож на фарфоровую куклу.

— Я Рафаэль Мортимер, Рафаэль из Норфолка, получивший титул графа Марча благодаря вашему отцу.

Фраза Рафаэля была коротка, но содержала бездну информации.

Благодаря преимуществу «попаданца», Август мгновенно извлек из нее все скрытые смыслы, доступные его пониманию.

А. Рафаэль действительно был связан с бабушкой Августа, королевой-матерью Изабеллой. Он родился в Норфолке, а именно там, в замке Райзинг, королева-мать и проводила свои последние годы в покое.

Б. Рафаэль, скорее всего, был бастардом, ибо всему свету было известно: любовником королевы-матери являлся Роджер Мортимер, первый граф Марч.

В. Отношение Рафаэля к Августу могло быть либо прекрасным, либо ужасным. Прекрасным — если отец Августа даровал ему титул графа Марча; ужасным — по той же самой причине. Все зависело от того, под каким углом взглянет на это психически неуравновешенный человек.

Вместе с этими мыслями в памяти Августа ожил один из их прошлых диалогов по переписке.

«Перед отъездом старший брат выхлопотал для меня титул — тот, что принадлежал покойному любовнику нашей матери, которого я, наверное, должен считать отцом. К чему бы это? Унизить? Пожалеть?»

«Он просто безмозглый, раз так усердно кормит будущего змею на своей груди».

В те времена Август автоматически воспринял титул как богатство: старший брат передал наследство любовника матери своему единокровному брату, а тот, в своем подростковом максимализме, счел это оскорблением. Кто же станет тратить целое состояние, чтобы унижить человека, никак не угрожающего его интересам? Умоляю, унижьте таким образом и меня!

Правильна ли была такая логика, Август не знал, но он чувствовал, что товарищ Рафаэль тогда ее проглотил.

Иными словами, отношение Рафаэля к старшему брату, Черному Принцу, было как минимум не негативным, а Август, будучи его единственным ребенком, стал прямым получателем выгоды.

Аллилуйя! Слава моей былой ненависти к богачам и ядовитому языку! — мысленно

возблагодарил Август Господа. Ему казалось, будто весь его мир озарился светом.

Во время неспешной послеобеденной беседы он получил тому дальнейшие подтверждения.

Отношение Рафаэля к нему было именно таким, как тот и описал: он видел в Августе просто ребенка из семьи родственников. Если дитя забавное — можно пообщаться, если слишком уж прыткое — можно и попрощаться.

Собрав всю свою волю, Август изо всех сил изображал ребенка. Возможно, благодаря тому, что его собственный интеллект не блистал высотами, вышло весьма убедительно.

Обе стороны остались довольны.

Согласно этикету, когда ранний зимний вечер начал сгущаться, Август, как хозяин замка, пригласил Рафаэля отужинать.

— Для меня честь, — ответил Рафаэль с неизменной вежливой улыбкой, но на сей раз в ней стало меньше загадочности. Он превратился в образцового старшего родственника и даже задал тот самый вопрос, который все дети ненавидят слышать от визитеров:

— Ты сегодня уроки сделал?

Будучи обычным восьмилетним отроком, Август, разумеется, имел уроки. Даже герцогский титул не спасал от учебы. Более того, как раз из-за титула учиться приходилось больше. Один только язык — обязательные три предмета для начала: английский, французский и латынь.

Говорили, в будущем, вероятно, добавятся еще испанский, немецкий, итальянский и греческий.

Вспомнив о таком мрачном будущем, Август скривился и заявил Рафаэлю:

— Если вы будете продолжать в том же духе, боюсь, наша беседа перестанет быть приятной.

— Я хотел сказать, что если что-то непонятно, я могу помочь, — подмигнул Рафаэль, вкладывая в жест глубокий смысл.

Помочь с домашкой?! Голубые глаза Августа расширились еще больше. Вот это дело!

Но старый дворецкий кашлянул, давая понять: ничего такого не будет.

Дворецкий во всем слушался Августа, кроме вопросов обучения. Он свято верил, что в учебе нет коротких путей. На предложение Рафаэля он внешне не отреагировал, но в душе уже начал корить гостя: как можно подстрекать нашего милейшего герцога к нерадению?!

Рафаэль же был человеком, умевшим угодить всем, если того желал. Поэтому он тут же добавил, обращаясь к дворецкому:

— Разумеется, я уверен, что Ол учится прекрасно. Он же такой смысленный.

«Ол» — уменьшительное от «Август». Сам он и не заметил, как за время послеобеденного чая Рафаэль начал называть его этим домашним именем.

Выражение лица дворецкого смягчилось, и он с показной скромностью принялся живописать успехи Августа в науках.

Услышав, что английский у Августа на хорошем уровне, лицо Рафаэля слегка омрачилось:

— Кроме этих трех, не планируется добавить еще языков?

— Пока нет, но вскоре наверняка, — ответил дворецкий, избегая прямой речи.

Август, шедший впереди, не до конца понимал суть разговора, но инстинктивно чувствовал: тема языков таит опасность.

К счастью, они быстро достигли главного зала, что избавило Августа от надвигающейся угрозы.

В средневековой архитектуре «зал» был важнейшим помещением. Для всех, кроме Августа — герцога-затворника, — время, проведенное в собственном или чужом зале, превышало время, проведенное в спальне. Большинство позднейших ученых сходятся во мнении, что зал был символом рода, ибо именно там располагался камин — предмет гордости и показатель статуса.

Камин в Средние века был произведением искусства, создававшимся специальными мастерами. Многие аристократы любили похвастаться стоимостью своих каминов. Практическая же польза — обогрев — для холодных каменных замков и вовсе была жизненно важна.

Таким образом, зал, обладающий камином, естественным образом обретал особый статус.

Замок Бристоль, как и прочие замки XIV–XV веков, постепенно превращавшиеся из сугубо оборонительных сооружений в жилые резиденции, имел готический зал. Его украшали простые, строгие линии, а витражи из разноцветного стекла наполняли пространство таинственным лиловым светом, навевающим необъяснимую религиозную благоговейность.

В зале у стены, неподалеку от резной ширмы, стоял огромный девятирусный буфет.

Столешницу покрывала изысканная тканая скатерть, расшитая родовым гербом, дабы внести яркие акценты в аскетичный интерьер замкового зала. Или же... э-э... сделать его еще мрачнее и торжественнее.

В зале замка Августа был выбран первый путь: под влиянием изысканного, чуть эксцентричного вкуса старого дворецкого, царили живость и уют.

Казалось, суровый, специально разработанный для внушения трепета герб плакал кровавыми слезами.

Пока готовился ужин, Август провел Рафаэля вдоль буфета, демонстрируя свой столовый сервиз, и между делом поинтересовался, когда тот планирует отбыть.

Рафаэль, на первый взгляд, оказался человеком легким в общении: остроумным, элегантным. Но, дабы не раскрыть свою вторую личность и не быть разоблаченным, Августу пришлось задушить в себе пылающую душу поклонника прекрасного и с трудом держать дистанцию.

И затем...

Ему сообщили, что красавец на ближайшее время поселится в замке Бристоль.

Небо, смилуйся!

<http://bllate.org/book/15929/1423810>